

Рыбаков Всеволод Вячеславович

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОБЛЕМА ПРИСУТСТВИЯ

В статье осуществляется анализ информационного общества в свете дискуссий современной философии о присутствии. Демонстрируется, что информация учреждает особую модификацию взаимодействия человека с миром, для которой характерно парадоксальное сочетание погруженности в мир и отстраненности от него. На основании анализа закономерностей развития культуры, осуществленного Г. Зиммелем, постулируется, что, с экзистенциальной точки зрения, принципиальную черту информационного общества следует видеть в постановке на новый уровень проблемы человеческого присутствия, не сводимого к обмену значениями и информацией.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 2. С. 139-142. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1; 111; 130.2

Философские науки

В статье осуществляется анализ информационного общества в свете дискуссий современной философии о присутствии. Демонстрируется, что информация учреждает особую модификацию взаимодействия человека с миром, для которой характерно парадоксальное сочетание погруженности в мир и отстраненности от него. На основании анализа закономерностей развития культуры, осуществленного Г. Зиммелем, постулируется, что, с экзистенциальной точки зрения, принципиальную черту информационного общества следует видеть в постановке на новый уровень проблемы человеческого присутствия, не сводимого к обмену значениями и информацией.

Ключевые слова и фразы: информационное общество; информация; присутствие; мир; погруженность; отстраненность.

Рыбаков Всеволод Вячеславович, к. филос. н.

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики
vsrybakov@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОБЛЕМА ПРИСУТСТВИЯ

Использование понятия *информационного общества* для характеристики современности стало в наши дни общим местом. Теоретики информационного общества, такие, как Е. Масуда, Д. Белл и Э. Тоффлер, предвещая в своих работах второй половины XX века его наступление, имели в виду неразрывную связь изменений в области технологий и средств коммуникации с качественным изменением общества – его устройства, ценностей, а также образа жизни людей. Не будучи уверенными в том, что наша жизнь претерпела радикальные трансформации, мы, тем не менее, принимаем понятие информационного общества в своей лексикон, поскольку возникновение особого информационного расширения, связанного с новым витком развития инфокоммуникационных технологий (который характеризуется, прежде всего, распространением компьютеров и Интернета), представляется нам достаточным основанием для его использования. В большинстве контекстов повседневной жизни мы говорим об информационном обществе как о свершившемся факте.

Однако если информационное общество есть, действительно, нечто свершившееся, то в чем могут быть усмотрены его особенности с экзистенциальной точки зрения? Если информационное общество есть особая конфигурация социальной реальности, состоит ли его отличие только в дополнительном технологическом оснащении и количественном увеличении информации и ее доступности? Или все же речь идет о качественных изменениях человеческой жизни? И если да, в чем именно они состоят? Последние два вопроса, безусловно, являются наиболее существенными, но и ответить на них труднее.

В данной статье мы не будем претендовать на исчерпывающее осмысление специфики человеческой жизни в рамках конфигурации информационного общества и ограничимся выделением лишь некоторых аспектов, которые, однако, представляются нам принципиальными. Чтобы подчеркнуть их, мы хотели бы посмотреть на информационное общество как на определенную культурную конфигурацию с позиции, предлагаемой Г. Зиммелем в его философии культуры. Развиваемый Зиммелем взгляд на культурный процесс интересен нам, во-первых, указанием на наличие трагического (или парадоксального) момента в логике развития культуры и, во-вторых, выводом о все большем усложнении культуры, которая на каждом новом витке своего развития требует и спрашивает с человека больше, чем на предыдущих этапах.

Смысл культуры Зиммель усматривает не в том, чтобы поддерживать человеческое существование, а в том, чтобы возделывать человеческую душу, служить ее развитию: культура – это «путь души к себе самой» [2, с. 446]. Путь этот организован, однако, таким образом, что душа проходит его, сталкиваясь с объективными произведениями человеческой деятельности и творчества, противостоящими душе как нечто внешнее и в какой-то мере ей чуждое. Многочисленные и разнообразные продукты человеческой активности и составляют материальное содержание культуры. Чтобы освоить объекты культуры, чтобы вскрыть их оболочку и увидеть в них нечто родное, душе требуется приложить усилия. Именно в этих усилиях души, посредством которых она развивается, и состоит главный смысл культуры.

На первый взгляд, построение Зиммеля схоже с гегелевской схемой, также предполагавшей необходимость взаимодействия человеческой субъективности с объективными феноменами культуры. Однако разница между подходами Зиммеля и Г. Гегеля принципиальна: если Гегель описывает развитие культуры как разумный, последовательный и прогрессивный процесс, то Зиммель подчеркивает трагический момент в развитии культуры, состоящий в том, что исполнение смысла культуры никогда не гарантировано и, более того, по мере развития культуры все больше проблематизируется.

Последнее связано с тем, что культура, складывающаяся из продуктов деятельности людей, становится автономной по отношению к человеку и приобретает имманентную логику развития. Возникает ситуация, при которой «культурные содержания следуют своей, независимой от их культурной цели и даже все далее от нее удаляющейся логике, причем без какого-либо облегчения для самого субъекта» [Там же, с. 473-474]. Здесь имеются в виду, с одной стороны, такие феномены как формирование искусственных желаний и потребностей, производство и перепроизводство материальных благ, все большая часть которых становится избыточной, а также имманентная логика развития искусства и научного познания, склоняющая к поиску

новых форм, не имеющих априорной ценности вне связанного с ними духовного содержания, о котором, с точки зрения Зиммеля, художники и деятели науки все чаще забывают. С другой стороны, Зиммель имеет в виду перепроизводство культурных объектов в принципе, в результате чего на определенных этапах развития культуры только незначительная их часть оказывается способной выступить потенциальным материалом для освоения со стороны человеческой субъективности.

Обобщая размышления Зиммеля, можно сказать, что в развитии культуры присутствует момент кумулятивности; но то, что накапливается и усугубляется, есть, в конечном счете, сложность человеческого существования, связанная с повышением уровня необходимых усилий для того, чтобы пребывание в культурном пространстве могло быть пережито во благо. Каждая культурная конфигурация продолжает обеспечивать возможность освоения культурных объектов и, следовательно, возможность развития души; однако оплачивается это тем, что в каждой новой культурной конфигурации реализация этой возможности оказывается все более затруднена. В этом смысле, по мере развития истории обостряется интрига человеческого бытия. Сможет ли человек «справиться» с культурой? Сможет ли человек извлечь из культуры скрытый в ней потенциал, или культура подчинит человека своей имманентной логике? Каждая культурная конфигурация суть специфические условия постановки данного вопроса.

Именно с этой точки зрения следует подходить и к информационному обществу. Необходимо рассмотреть не столько в то, какие проблемы информационное общество решает (или, по крайней мере, на решение каких проблем оно претендует), сколько в то, какие специфические проблемы информационное общество ставит и каким образом в нем подчеркивается проблематичность человеческого существования как таковая. Для этого целесообразно обратиться к философским дискуссиям современности, которые, на первый взгляд, могут выглядеть далекими от того, чтобы делать информационное общество главным объектом своего анализа, но в рамках которых, тем не менее, могут быть схвачены характерные для информационного общества проблемы посредством выведения на философскую авансцену понятий или концептов, бывших прежде в тени. В данной статье мы ограничимся рассмотрением только одного понятия, а именно – понятия *присутствия*, встречающегося в современном философском лексиконе все чаще, и попытаемся показать, каким образом тематизация присутствия может быть связана с конфигурацией информационного общества.

В контексте философской концептуализации присутствия следует, прежде всего, указать на работу Х. У. Гумбрехта «Производство присутствия: Чего не может передать значение» [1], в которой Гумбрехт не только делает присутствие главным предметом своего исследования, но и осуществляет обзор схожих усилий в работах других современных философов (среди них – Ж.-Л. Нанси, Дж. Ваттимо, М. Зеель и др.). Через понятие присутствия Гумбрехт, в целом, пытается подчеркнуть «не временное, но пространственное отношение к миру и его предметам» [Там же, с. 10], настаивая на значимости воздействия того, что присутствует, на человеческое тело. Присутствие, с точки зрения Гумбрехта, специфично в том смысле, что оно носит характер эпифании, то есть присутствие не может быть вычислено или запрограммировано, оно неожиданно возникает и исчезает, производя, однако, свой эффект и оказывая воздействие на человека.

Почему именно теперь философия начинает уделять все больше внимания такому понятию как присутствие? Ведь «материально-телесный» уровень проживания бытия в мире всегда был присущ человеческой жизни. Быть может, понятие присутствия находит дополнительные основания для своего возникновения в качестве специальной философской категории в специфических условиях информационного общества? Быть может, современная конфигурация культуры такова, что в качестве ответа на ее вопросы требуется вывод на авансцену концепта присутствия?

Чтобы лучше разобраться, в чем здесь может быть дело, вспомним тезис М. Шелера о парадоксальной сущности человека, в соответствии с которым человек, принадлежа жизни и являясь ее представителем, демонстрирует в то же время «отрешенность от принуждения и давления, от “жизни” и всего, что относится к “жизни”» [3, с. 153]. Будучи на онтологическом уровне «аскетом жизни» [Там же, с. 164], человек изначально находится на дистанции от «реальности», отрешен от нее. Эту дистанцию он затем может пробовать преодолевать, сокращать, но человек никогда не сможет слиться с окружающей средой так, как это, по-видимому, естественно для других живых существ. Именно эта оторванность от «реальности» и проблематичность взаимодействия с ней выражаются в тезисе о том, что у человека «есть “мир”» [Там же, с. 153], а также в постулате о принципиальной открытости человека миру (открытости, в которой на русском языке звучат одновременно и возможность движения, беспрепятственного проникновения, и невозможность исчерпания, отсутствие границ, непредзаданность финала). Бытие человека в мире – одна из главных интриг человеческого бытия.

Способы выстраивания отношений человека и мира составляют один из принципиальных аспектов содержания культуры. С одной стороны, взаимодействие человека с миром раскрывается через множественность ценностей и смыслов, которыми мир для человека заранее не обладает и которыми человек наделяет феномены мира достаточно произвольно, в зависимости от своего бытийного самоопределения. С другой стороны, сквозь призму данного вопроса может быть рассмотрена сфера коммуникации и медиа. Средства коммуникации не только обеспечивают коммуникацию между людьми, но одновременно служат и коммуникации человека с миром, поскольку влияют на конституирование жизненного мира и смыслов, которые человек в него вкладывает.

В чем же специфика конфигурации взаимоотношения человека и мира, расчерчиваемой информационным обществом? На наш взгляд, эту специфику можно охарактеризовать через парадокс погружения и отстранения, через указание на распадение на две крайности, между которыми натягивается характерное для информационного общества напряжение. Наш тезис будет состоять в том, что философское понятие присутствия воплощает собой поиск выхода из парадоксального состояния слишком глубокого погружения в мир и слишком высокой степени отстраненности от него.

С одной стороны, информационное общество усугубляет процесс имманентизации мира, оно есть новый виток его логики. Информационное общество представляет собой мир, окутанный и пронизанный бесчисленными сетями, по которым с большой скоростью и в небывалом количестве передается информация. Телевидение вещает и передает новости двадцать четыре часа в сутки; Интернет явился новейшей модификацией практически бездонного хранилища информации. О чем, однако, вся эта информация? О мире. Посредством коммуникационных сетей, обеспечивающих циркуляцию информации, мир коммуницирует с самим собой, замыкается на самого себя.

Информационные пространства, в которые мы попадаем, включая телевизор или выходя в Интернет, представляют собой определенные расширения, дополнения к наличной реальности. Само выражение «выйти в Интернет» подразумевает эффект перемещения в дополнительное пространство, отличное от того, в котором мы пребывали. С этой точки зрения, об информации можно говорить как о специфическом расширении, наряду с религией, искусством или политикой. Однако, если религия есть портал в трансцендентное, наиболее бескомпромиссный способ расширения *человеческого мира* за счет *выхода за его пределы*, а искусство и политика, в той или иной степени, претендуют на *преобразование* мира, то информация и порожаемое ею расширение, напротив, служат дальнейшему углублению в *наличный человеческий мир*. Не выводя в трансцендентное изменение, информация противоположна подобному движению. Информация – наиболее совершенное воплощение имманентизации мира, она словно придавливает нас к миру, прижимает максимально близко к нему.

Однако одновременно – парадоксальным образом – информация служит и усугублению той изначальной отрешенности от мира, о которой говорил Шелер как о конститутивной черте человека. Как мы уже отметили, одним из базовых способов связи человека с миром является наделение феноменов мира теми или иными смыслами. Посредством интерпретации того или иного феномена мира в качестве ценного и значимого человек приближается к миру, вживается в него. Информация, однако, представляет собой отстранение от смысла, и посредством такой отрешенности от смысла она усугубляет человеческую отрешенность от мира.

Используя понятия смысла, информации и *значения*, можно говорить о двух уровнях отстранения от смысла. Первый уровень отстраненности от смысла можно проиллюстрировать через различие между смыслом и значением. Например, понятие души, взятое как значение, заставляет нас задуматься о том, что есть душа или чем она может быть. Значение – это возможность что-то понять, пережить и измениться; иными словами, значение есть возможность смысла. Если же мы сталкиваемся с понятием души в энциклопедии или словаре, мы сталкиваемся с ним не как со значением, а вначале как с информацией. Это значит, что, просматривая энциклопедическую статью, мы приобретаем возможность *начать задумываться* о том, что такое душа; то есть, столкнувшись с информацией о чем-либо, мы приобретаем возможность увидеть в ней определенное значение, которое, в свою очередь, потенциально может стать источником смысла. Однако столкновение с информацией подразумевает и возможность того, что заложенный в ней потенциал значения и смысла так и не будет реализован. Более того, на наш взгляд, именно в этой возможности следует видеть один из принципиальных смыслов информации, ее существенное свойство. Если значение побуждает нас к активности и является потенцией смысла, то в информации нет ни малейшего побуждения к действию. Сама суть понятия информации (или «данных») подразумевает универсальную форму упаковки и передачи безотносительно к содержанию того, что передается, отстраненность от него. Будучи радикально равнодушной к своему содержанию, информация вызывает и соответствующий настрой у того, кто «работает» с ней, формирует подход холодной нейтральности, характеризующий режимы «ознакомления» и «просматривания».

Таким образом, если значение выступает как возможность смысла, то информация, в свою очередь, выступает как возможность значения, или – *возможность возможности смысла*. Увеличение количества информации, возникновение мира, наполненного информацией в описанном выше смысле, характеризуют современность. Можно говорить о том, что толчок к существенному росту информации был дан, с одной стороны, изобретением книгопечатания, а с другой стороны, – эпохой Просвещения и ее идеалами. Однако пребывание в условиях «информационного шума», избытка информации, вырабатывающего естественную привычку скользить по ее поверхности, стало паттерном культурного поведения человека именно в конфигурации информационного общества.

Итак, характерной чертой информационного общества как наличной социокультурной конфигурации является парадокс погруженности в имманентность мира и одновременной усиленной отстраненности от него. Это состояние есть также специфический фактор проблематизации человеческого бытия, характерный для информационного общества. Информация не дает нам трансцендентного измерения, ее потоки замыкают мир на самого себя, и, в то же время, информация эффективно поддерживает нас в состоянии изначальной незаинтересованности в мире, в состоянии парения над ним. С этой точки зрения, развиваемый Гумбрехтом концепт присутствия предлагает способ соотнесения с миром, исходящий из конфигурации, навязываемой информационным обществом, и, в то же время, выводящий за ее пределы.

Во-первых, в отличие от информации, которую мы определили как возможность смысла, то есть как нечто виртуальное, концепт присутствия делает акцент на непосредственном опыте столкновения с миром или процессе «выдвижения» мира в поле нашего опыта. С другой стороны, присутствие эпифанично и носит событийный характер. Гумбрехт раскрывает эпифаничность присутствия в трех пунктах: «Прежде всего <...>, мы никогда не знаем, произойдет ли такая эпифания, а если произойдет, то когда. Во-вторых, если она происходит, то мы не знаем, какую форму она примет и насколько интенсивной окажется <...>. Наконец <...>, эпифания в эстетическом переживании представляет собой событие, потому что самоуничтожается в процессе своего возникновения» [1, с. 116]. Хотя присутствие связано с непосредственностью опыта, оно приходит как будто извне и не поддается расчету; иными словами, присутствие обладает эффектом трансцендентности.

Из сказанного становится ясно, что присутствие, как о нем говорит Гумбрехт, представляет собой способ соотнесения с миром, призванный преодолеть крайности погружения и отрешенности, навязываемые информацией. Заручившись концептом присутствия, сформулированным Гумбрехтом, мы можем подвести итог наших размышлений и постулировать, что особенностью информационного общества с экзистенциальной точки зрения является не развитие инфокоммуникационных технологий или количественное увеличение совокупной информации о мире, а специфический способ, посредством которого в рамках информационного общества осуществляется проблематизация человеческого бытия. Этот специфический способ состоит в проблематизации присутствия как способа соотнесения с миром, не сводимого к обмену значениями и информацией.

Список литературы

1. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
2. Зиммель Г. Избранное: в 2-х т. М.: Юрист, 1996. Т. 1. Философия культуры. 671 с.
3. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.

INFORMATION SOCIETY AND THE PROBLEM OF PRESENCE

Rybakov Vsevolod Vyacheslavovich, Ph. D. in Philosophy
Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics
vsrybakov@yandex.ru

The article provides an analysis of information society in the light of modern philosophical discussions on presence. The paper shows that information establishes a special modification of human interaction with the world, which is characterized by paradoxical combination of submergence into the world and detachment from it. Relying on G. Simmel's analysis of culture development principles the author argues that from the existential viewpoint the key feature of information society includes a new approach to the problem of human presence that is not reduced to exchange of meanings and information.

Key words and phrases: information society; information; presence; world; submergence; detachment.

УДК 141.32

Философские науки

Статья посвящена анализу современных «околоигровых феноменов», таких как косплеи, «фанфиксин» и арт-искусство, как репрезентаций виртуального мира видеоигр в актуальной действительности. Дается определение «околоигровых феноменов», описываются причины их появления в современной культуре. Обсуждается взаимосвязь данных культурных феноменов и потребительского общества. Основное внимание автор уделяет теории симулякров и «символического обмена» Ж. Бодрийяра, которая позволяет раскрыть «околоигровые феномены» с социально-философских позиций.

Ключевые слова и фразы: компьютерная игра; видеоигра; косплеи; «околоигровые феномены»; современная культура; виртуальный мир видеоигры; информационные технологии.

Самойлова Елена Олеговна

Пятигорский государственный университет
blu_sky_angel@mail.ru

**«ОКОЛОИГРОВЫЕ ФЕНОМЕНЫ» И ИМПЕРАТИВЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-33-01069.

Современные компьютерные игры приобретают все большую популярность. Связано это, в первую очередь, с развитием информационных технологий, развитием технологий Интернета, проникновением виртуального пространства во многие сферы человеческой жизни. Компьютерные игры давно уже перестали быть развлечением для детей и подростков и привлекают людей различных возрастов, помогая разнообразить досуг, интересно провести время. Для многих компьютерные игры становятся главным направлением профессиональной деятельности (киберспорт).

Сама по себе игра, как особый социальный феномен, сопровождала человека с незапамятных времен. Теоретические размышления о феномене игры, ее понятии, концепции и формах мы можем найти у многих философов: от античности до эпохи постмодерна. Отметим, что сам феномен вызывает и вызывал множество дискуссий и предполагал несколько методологических подходов к его изучению. Стоит сказать, что онтологический статус игры как специфического измерения бытия человека многократно обсуждался, его трактовку мы можем найти у таких классиков философской мысли, как Платон, М. Монтень, И. Кант, Ф. Шиллер, Х. Ортега-и-Гассет, Г. Гадамер, И. Хёйзинга и другие теоретики.